Продолжение. Начало в № 12 за 2015 год, в № 1, 2, 3, 4 за 2016 год

ГЛАВА XVI
КРОВЬЮ БРАТЬЕВ НЕ ОПОХМЕЛИШЬСЯ

1 октября 1964 года

Притча в Евангелии от Луки (глава 10, стих 25–37) о Добром Самаритянине проста до неприличия: бандиты напали на некоего человека, бредущего по трассе Иерусалим — Иерихон. Как и полагается злодеям, раздели, побили и бросили помирать. Шел мимо священник, посмотрел на бедолагу, подумал, да и пошел себе спокойно дальше... Шел мимо левит — то же самое. Вдруг едет на персональном осле некий житель г. Самарры, безымянный самаритянин. Он перевязал раны, дал напиться, отвез беднягу в местную гостиницу, заплатил хозяину и пообещал еще, когда вернется, если человек выживет. Все.

Мораль сей басни такова: самаритяне, проживая в Палестине, не считались евреями. А помог недочеловек! Эрго: надо, надо людя́м помогать!

В нашей истории ДС стал все тот же помощник инспектора голландской контрразведки Ян Маазан. Кто последовательно уже помог израильтянам и американцам. Но, в отличие от бескорыстного самаритянина, он, к сожалению, был мздолюбив. Хоть немцы в последнюю войну и оккупировали его родину, но при чем здесь его личный побочный заработок? Прошлое прошло, а будущее еще не наступило: будем жить днем сегодняшним!

И не было у него контакта с немцами из ФРГ, не было вербовки, авансов и прочих контактных телефонов, а посему он пошел самым простым способом. То есть впрямую пошел — в посольство Западной Германии в Гааге, в консульский отдел (Groot Hertjginnellan, 18–20). По картотеке в своем секретном Департаменте он знал, кто тут кто. И прямо попросился на прием к вице-консулу Гляйзеру. Вместо «здрасте!» сказал:

— Я работаю в контрразведке. Хочу вам предложить информацию о советских террористах, что вскоре проследуют транзитом в Мюнхен. Согласны купить товар?

Такие встречи предусмотрены инструкцией МИД ФРГ: сумасшедшие и провокаторы приходят во все диппредставительства мира. Дипломат указал на дверь.

Знал об этой практике и Ян:

— Вот телефон бара, где я по пятницам пью пиво с 20 до 22. Моя визитка. Сообщите в Пуллах, что у вас скоро рванет. Подробности передам в обмен на наличные. Ауфидерзейн, майн либэ герр!..

Боже, что тут началось у немцев! Визитку сразу пробили по досье — есть такой. Русские! Взрывы! В Мюнхене! И вся такая инфо — за какие-то

несчастные деньги?! Да дать ему немедленно, не торгуясь! Послать к нему связного! Шнель!

Лихорадочно создали группу реагирования, возглавил ее шеф Русского отдела БНД. Следующим вечером он сидел у себя в кабинете до позднего вечера и обсуждал это дело со своим старым коллегой. Но никак не старым другом, поэтому особой сердечности меж ними не было — просто обмен мнениями среди профессионалов.

— Ах, Зиберт, Зиберт, так вы и не поняли, почему мы в прошлый раз проиграли русским...

— Ну да, вы-то все наперед знали, — рассердился человек, которого собеседник называл Зибертом. Он страшно покраснел, что даже на фоне его природной рыжей бордовости было заметно. — Что же вы тогда молчали, Мильх?

Человек, названный Мильхом, спокойно пожал плечами:

— Я не только говорил, но и писал докладные. Но я тогда был еще майором, а вы полковником.

Рыжий опять воспринял эти слова как оскорбление и отпарировал:

— Зато сейчас вы генерал-майор, а я все тот же полковник, да к тому же в отставке.

— В запасе, Зиберт.

— Один черт.

— Совсем нет... Так теперь-то вы поняли?

— Послушайте, Мильх, мы проиграли войну из-за драки между всеми нашими службами разведки и контрразведки, — почти пламенно полемизировал рыжий.

Генерал спокойно выслушал эту эскападу.

— Так почему же не американцам проиграли? Не англичанам? Почему русским? Отвечу: из-за нашего Ади и его солдафонов. Вместо того, чтобы чуточку пощадить их самолюбие, подыграть... пусть на первых порах... Нет! Виселицы, массовые расстрелы, бездумные реквизиции. Я повторял и повторяю вслед за Шиллером: «Имей смелость мечтать и лгать!»

Рыжий полковник стал нелогично защищать Гитлера:

— Что же, им надо было дополнительную порцию сливочного маргарина давать? Это смехотворно, господин генерал...

— Вовсе нет. Достаточно было предоставить хотя бы немного культурной автономии. Ведь в русской эмиграции находились очень интересные артисты, певцы. Михаил Чехов, Федор Шаляпин, Александр Вертинский... И к каждому у нас была ниточка. К Чехову — через сестру Ольгу, она жила в Рейхе. У Шаляпина жена итальянка, Иола Торнаги. Он дружил с Д'Аннуцо — главным идеологом итальянского фашизма... У Вертинского жена — грузинская княжна, вся ее семья была на Западе. Вот кого нужно было пристегивать к движению. Один концерт Шаляпина или Вертинского принес бы куда больше успехов, чем танковые прорывы Гудериана.

— Вы серьезно?

— Абсолютно. Артисты ведь корыстолюбивы. Вы читали дневники Шаляпина? Ах да... Вы нелюбопытны. Как же вы заведовали целым русским сектором в VI Управлении РСХА у Шелленберга, Зиберт?

— Не хуже других, — в очередной раз обиделся рыжий толстяк.

— Возможно, — примирительно согласился генерал Мильх. — Так в них певец очень подробно сообщает обо всех своих регалиях от царей, королей и прочих президентов. Чтобы фюреру не дать Шаляпину Железный крест 2-го класса — тот бы пел в нашу пользу.

— Это все фантазии, господин генерал. Может быть, когда вы уже натешились трепать меня, как Гретхен, за щечки, приступим к нашим делам? — осторожно спросил младший по званию у удивленно взирающего на него поверх очков старшего.

— Хорошо, Зиберт... — медленно произнес генерал. — Хорошо. Итак, Голландия? Группу туда, особый режим тут?

— И капканы по всей трассе Амстердам — Мюнхен! Утрехт. Арнем, Дюссельдорф, Кельн, Висбаден, Майнц, Нюрнберг — далее везде!

— Да. Объявляем тревогу № 1!

ГЛАВА XVII
ШАШЛЫК ИЗ РОЗ

1 июля 1964 года

Кабинет начальника Второго отдела — контрразведки — КГБ при Совмине СССР, как всем известно, находится на четвертом этаже здания на Лубянке. Генерал-лейтенант с удивлением рассматривал рапорты своей службы наружного наблюдения за перемещением по Москве и области трех удивительных типчиков: полковника КГБ из разведки, бывшего арестанта и какого-то настолько секретного деда, что за ним повсюду ходила машина из комендатуры Кремля. Наружка не могла определить, кто это такой, а как только захотела его сфотографировать, то к оперативникам подошли двое и предъявили свои кремлевские бумаги. Теоретически, полк и все специальные части, расквартированные за стенами у Красной площади, находятся в подчинении ЧК, кроме одного подразделения — именно комендатуры. Людей этих

не велено задерживать, допрашивать, выслеживать. На Лубянке был отдел, занимающийся охраной членов Секретариата ЦК, высших сановников государства. Но подчинялись они все же председателю КГБ, а комендатура... Черт ее знает из кого состоит, чем занимается, кто ею руководит. Звонят, передают свои «указивки», и приказано строго-настрого выполнять их задания без вопросов и уточнений. Интересно, интересно... Как бы к ним подобраться? Что это за тайная служба ходит по Москве и стране, которую контрразведка не может взять за пушистый хвост?

Что не армия — это точно. Он сам пришел из армии на Лубянку и знал наверное, что Генштабу комендатура не подчинялась. Была объединенная служба разведки при Совмине, куда входили когда-то и военная разведка, и КГБ, и разведка Коминтерна-Коминформа. Потом ее передали в министерство иностранных дел, потом опять разобрали по ведомствам... Может, комендатура — единственный неразогнанный отдел? Хм...

Или они курируют в министерстве среднего машиностроения атомный проект, и этот дед — тайный ядерный академик? Да нет, вроде на полигонах он всех видел: Ландау, Сахарова, Курчатова, Тамма... Их охраняли ребята из Третьего главка Лубянки, из военной контрразведки...

А может?.. Кроме минсредмаша, в городе был еще Государственный комитет при Совете министров СССР по координации научно-исследовательских работ. На этом Комитете генерал и сделал свою карьеру, пересел в это самое кресло. Буквально несколько месяцев назад. Комитет этот прославился тогда на весь мир. Там работал самый крупный из пойманных в СССР шпионов — полковник Главразведупра Генштаба Советской армии Олег Пеньковский. Именно генерал (тогда генерал-майор) и вел дело Пеньковского и англичанина Винна...

Он почти стенографически помнил и оперативную часть операции, и исторический суд над шпионами в мае прошлого года. Первый вопрос председательствующего на суде, генерала Борисоглебского, 07.05.1963, в 10 часов утра: «Подсудимый Пеньковский, как правильно произносится ваша фамилия?» Пеньковский: «Пеньковский, через мягкий знак...»

Олега Пеньковского арестовал он 22 октября 62-го, а Винна выдали венгры. Англичанину дали выехать из СССР, чтобы присмотреть за ним: с кем будет встречаться, куда пойдет. 2 ноября его взяли при попытке выехать из Венгрии, передали его в КГБ вместе со шпионским пакетом об артиллерийско-геодезических уровнях. Заместителю начальника отдела управления внешних сношений Госкомитета Пеньковскому англичане и американцы присвоили псевдоним Янг. Группа оперативников контрразведки выезжала даже в Лондон, посмотреть на место работы и на домик Винна в Челси по улице Аппер-Ченироу, 19, SW № 3... У агента Янга, между прочим, наград за войну было больше, чем у всего отдела генерала контрразведки: пять орденов и восемь боевых медалей...

Председательствующий: «Товарищ прокурор, у вас есть вопросы к подсудимому Пеньковскому?»

Прокурор: «Да, у меня есть к нему вопросы».

На Лубянке встревожились еще в октябре 61-го. Восемнадцатого числа из радиоцентра ЦРУ во Франкфурте-на-Майне стали поступать сначала односторонние слепые шифротелеграммы азбукой Морзе на частотах 79 80, 10 135, 47 70 и 63 15 килогерц. Всего было передано 24 шифровки, как потом оказалось, восемь из них были рабочими...

Председательствующий: «А разведчики вам не говорили, почему вам не верят? Может быть, вы их очень обильно снабжали материалами, и это вызвало сомнение?»

Пеньковский: «Разведчики говорили, что я провожу большую работу, и высоко оценивали ее как с точки зрения объема, так и с точки зрения важности полученных материалов. В общей сложности было передано пять тысяч кадров экспонированной микрофотопленки. По этой их оценке можно сказать, что я работал не зря!» (Гул возмущения в зале.)

Орден Отечественной войны I степени Пеньковский получил за бои под Борщевкой, около Киева. Орден Красного Знамени за бой под окруженным Тернополем, где второй истребительно-противотанковый полк (стопроцентные смертники!), которым командовал он, подбил шесть немецких танков и девять бронемашин противника. Один танк подбил сам двадцатипятилетний комполка. Потом было еще одно Красное Знамя, Красная Звезда, орден Александра Невского. Дважды ранен, одно ранение тяжелое... В 49-м, когда ему исполнилось тридцать, он стал полковником.

Прокурор: «Вы подобрали места для устройства тайников?»

Пеньковский: «Одно место я выбрал в Брюсовском переулке, в районе действующей церкви, угловой дом, номера дома я не помню, в первом подъезде от угла, где увидел целую систему различных труб парового отопления — удобное место для закладки магнитных контейнеров. Второе место я выбрал на Гоголевском бульваре, номера

дома тоже не помню, в подъезде, где имеется телефон-автомат. Третье место — на Ваганьковском кладбище, у могилы Сергея Есенина...»

Дешифровщики КГБ сходили с ума, в их ЭВМ плавились золотые соединения. Шифр Пеньковского был несложный, но одноразовый, поэтому никак не могли подобрать и проанализировать закономерности радиосообщений. Англичане, большие специалисты в таком деле, обучили Янга работать с шифроблокнотом: правила набора открытого смыслового текста, предназначенного для зашифровывания путем замены букв текста на цифровые значения и формирования их в пятизначные группы. У Пеньковского имелись специальные таблицы расшифровок. Как только он получал позывной 163, то должен был настроить приемник (по летнему или зимнему расписанию радиообмена) на нужную частоту...

Прокурор: «Винн передал вам в гостинице "Украина" в Москве коробку. Что было в коробке?»

Пеньковский: «Три тысячи рублей. Я эти деньги после отправил через Винна назад. Деньги мне предлагали несколько раз, но я не брал ни копейки...»

Прокурор потребовал, чтобы в силу статьи 18 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в целях сохранения гостайны последние слова подсудимых были заслушаны в закрытом судебном заседании. Генерал КГБ присутствовал и на этом заседании. И никаких там государственных секретов не было, просто по делу проходили приятели и родственники Пеньковского.

Адвокат Апраксин спрашивает свидетеля Рудковского: «Вы деньги в долг у Пеньковского брали?»

Рудковский: «Да, брал два раза: первый раз 100 рублей, а второй раз 50 рублей».

Адвокат Апраксин: «Вернули ли вы эти деньги ему?»

Рудковский: «Да, через следователя Комитета государственной безопасности».

Хорош был Винн. Как и полагается, начал косить под чистого коммерсанта, вступал все время в перепалку с подельником, отводил переводчиков профессоров английского языка Белицкого, Брука и чекиста-нелегала Рубальского. Они втроем говорили по-английски совершенно и сто раз ловили Винна на грамматических ошибках в его показаниях, но тот постоянно настаивал, что они чуть ли не знают алфавита... Недоволен он был и Боровиком, своим адвокатом.

Адвокат Боровик: «И вы пришли к заключению, что дело, которым вы занимаетесь, пахнет шпионажем?»

Винн: «Да». (Смех в зале.)

Адвокат Апраксин: «А не кажется ли вам, что и вы работаете на две разведки?»

Винн: «Да, кажется, что да... Именно поэтому я нахожусь здесь». (Смех в зале.)

Прокурор: «Подсудимый Винн, вы не поняли, что являетесь посредником между английской разведкой и Пеньковским?»

Винн: «Сейчас я это познал». (Оживление в зале, смех.)

Припадочный Хрущев сначала всех разжаловал, срывал погоны и звезды Героев, выгонял со службы. Он даже выступил в прессе по этому делу, что почти никогда не бывало: «Иностранная разведка не дремлет, и если мы будем похрапывать, то это будет самое хорошее время для ее подрывной работы внутри нашего государства». Освободилось место и начальника контрразведки страны, его предложили начальнику оперативной группы по Пеньковскому, наградили орденом и второй звездой. Из страны выгнали семь английских и пять американских разведчиков-дипломатов. Контрразведке в ЦК дали добро на показательный отлов любых иностранцев, неважно, валютчиков, перевозчиков антисоветской литературы или мелких фарцовщиков.

11 мая 1963 года. Москва. Вечернее заседание Военной коллегии Верховного суда Союза ССР. 16 часов 05 минут. Приговор:

«...Пеньковского Олега Владимировича, 1919 года рождения, признать виновным в измене Родине и на основании ст. 64 п. "а" УК РСФСР подвергнуть смертной казни — расстрелу с конфискацией лично принадлежащего ему имущества...

...Винна Гревилла Мейнерда, 1919 года рождения, признать виновным в шпионаже и на основании ст. 65 УК РСФСР лишить свободы на 6 лет, с отбыванием первых 3 лет в тюрьме, а последующих — в ИТК строгого режима...

...Приговор кассационному обжалованию и опротестованию не подлежит...»

(Приговор был встречен присутствующими продолжительными аплодисментами.)

Пеньковский попросил о встрече с матерью и женой. Мать пришла, а жена нет. Он ночью, после того, как ему объявили, что Президиум Верховного Совета СССР отклонил его ходатайство о помиловании, написал несколько писем. Почти сразу после этого за ним пришли...

«Приговор за измену Родине — расстрел — Пеньковскому О. В. приведен в исполнение. "Правда", 17 мая 1963 года...»

Новый начальник контрразведки СССР не вспоминал бы так хорошо знакомое ему дело, его

звездное — во всех отношениях — дело, если бы не узнал на единственной вчерашней моментальной фотографии наружной службы наблюдения среди трех гуляк этого самого деда. Только его самого и вот этого деда пустили на закрытую часть суда. Кто же он, черти бы его побрали?!

ГЛАВА XVIII
МУЖ ВЕРНУЛСЯ

10 октября 1964 года

Два израильских разведчика сидели в прокатной машине около амстердамского аэропорта и ждали рейса из Москвы. В «Моссаде» почему-то решили, что те двое — чекист и полицай — прибудут сюда прямоходом из столицы СССР: видно, в Тель-Авиве знали больше, чем говорили своим кидонам. «Кидон» на иврите значит «штык», то есть исполнитель акции разведки.

«Сидеть на выдержке» — так на языке любой спецслужбы мира называлась такая работа — было для опытных профессионалов уже трудновато. Так хорошо молодняк дрессировать, а не старых бойцов! Но приказ есть приказ, и — они сидели.

Играли в свою старую игру, которая позволяла им, не отрываясь на карты, шахматы или порнографические журналы, развлекаться, не отвлекаясь в то же время от основной работы. Они в очередь рассказывали анекдоты.

— Знаешь, что такое басня? Это когда свинья и осел разговаривают друг с другом, вроде нас с тобой...

— Моня, ты кем хочешь быть? — Генералом. — Это опасно: генерала могут убить противники. — Тогда хочу быть противником...

— Что лучше, болеть печенью или быть миллионером? Лучше печенью: от нее умирает только 37 процентов больных, а миллионеры — все...

— Ученик все время говорит учителю «ты». — Напишешь 50 раз в тетради слово «вы». Тот написал 100 раз. Зачем? — Чтобы тебе приятней было...

— Если директор не возьмет свои слова обратно — уйду из конторы. А что он тебе сказал? — Чтобы я убирался к чертовой матери...

— Беня, что у тебя за синяк под глазом? — Жена въехала... — Если б мне такое, я бы ее убил! — А что же, по-твоему, я несу в чемодане?..

— Все женщины живут дольше мужчин? Нет, только вдовы...

— Вам сколько лет? — Сорок. — А выглядите на пятьдесят. — Я десять лет сидел в тюрьме. — Что же вы там не жили? — Чтоб вы так жили!..

— Простите, у вас есть яблоки? — Есть. — А апельсины? — Есть. — А лимоны? — Послушайте, здесь фруктовая лавка, а не справочное бюро!..

— Абрам, не пей горячего чая, а то лопнет мочевой пузырь и ты таки ошпаришь себе ноги...

— Исаак, немедленно прекрати бить эту маленькую соседскую девочку: ты вспотеешь и сможешь простудиться!..

— Ваш билет! — Мой билет? — Ваш билет! — Мой билет? — Ваш... — Мой? — Вы что — больной? — А вы что — доктор?

— Какую ты, Рувим, купил последнюю квартиру? — Это предпоследняя, последняя будет 2 × 1,5 метра...

— Отмороженные ноги нужно натереть песком, ясно? — А летом?..

— Русские запустили в космос местного гоя, он шлет в Кремль доклад: «Находясь в десяти тысячах километрах вдали от Родины, чувствую себя хорошо, как никогда...»

— Хаим, как вы думаете, Римский Папа — еврей? — Что вы говорите?

— Фира, сколько твоему мерзавцу? — Четырнадцать лет. — Да... аборт делать уже поздно...

— Как научиться целоваться? — Соси помидор.

— У поляка спрашивают: как приготовить правильную вегетарианскую пищу? — Ничего нет проще; надо в свиные ножки влить пол-литра водки...

— Умирает старый Барух и требует, чтобы нотариус заверил наследственную запись: «Будучи в здравом уме и твердой памяти, я все деньги потратил еще при жизни...»

— Объявление на концерте: Маричелли — Италия, Гофманн — Германия, Иванов — Россия, Рабинович — скрипка...

— Американский охотник пошел на медведя. Но сам медведь его и поймал, говорит: «Смерть или половой акт?» Умирать не хотелось... Через день, вооружившись до зубов, охотник сидел в засаде у берлоги, но медведь подошел сзади. То же предложение... На третий день у охотника с собой не было только атомной бомбы. Медведь опять подкрался незаметно и говорит: «Мистер, я никак не возьму в толк: вы охотник или пидор?»

— Знаешь, у русских есть такое движение — социалистическое соревнование? Оказывается это соревнование социалистической системы с нервной...

— Троцкий говорил: «Я не член партии, я ее мозг».

— У компьютера американцы спрашивают: будет война между США и СССР? Тот отвечает: «Да». — Что «да»?! — Да, сэр...

— Застенчивый еврейский юноша приходит в аптеку и, краснея, просит у толстой Браны «защитные средства». — Какие тебе «защитные средства»? Здесь не министерство обороны!

— В парижском кинотеатре дикий крик во время сеанса: «Здесь есть врачи?». «Да», — отзывается в темноте голос. «Отличный фильм, не так ли, коллега?»

— Знаешь, когда великого Эйнштейна спросили, что такое теория относительности, он ответил: «Жизнь проходит мгновенно, а время до обеда тянется бесконечно».

— Парень целует девушку. Та его отчитывает: «В каждом поцелуе пять миллионов бактерий!» «Но в твоем тоже!»

— Девица говорит подруге: «По-моему, Эфроим сделал мне предложение. Он сказал, что пора кончать с нашей дружбой».

— Приходит ребенок после первого школьного дня и кричит счастливым родителям: «Сидите себе?! А оказывается, что пиписька по-другому называется!»

— Врач в психиатрической клинике всю жизнь мечтал жить при Бонапарте: тогда был только один Наполеон...

— Выступает артист по радио и говорит: «В мире есть только две по-настоящему неприятные вещи — смерть и триппер. Одной из них мне удалось избежать...»

— Абрам, твою жену только что изнасиловали в подъезде! — Ой-вэй, не смешите меня, у меня на губе трещинка...

— Барух, кого больше, живых или мертвых? — А кем считать летящих на самолете?

— Однажды возвращается муж...

Но тут напарник ткнул Баумана в коленку. Разведчики мгновенно насторожились.

— Где?

— Вон, у окошка банка, разменивает валюту.

Через большое стекло нового аэропорта Игорь был хорошо виден. Фото шестнадцатилетнего паренька из архивов «Моссада» никак не было похоже на этого тридцатилетнего мужчину. Но в Тель-Авиве художники, врачи и психологи попытались «состарить» портрет и, удивительно, они очень близко предугадали объект. «Все-таки наука — это действительно серьезно», — признался сам себе старший из агентов. До этого он считал, что серьезными на свете могут быть лишь только офицеры-танкисты.

— А где второй?

— Не вижу. Может, есть, а может, и нет. Снимаешь?

— А как ты думаешь?

— Снимай панорамно, потом проанализируем, может, попадет в кадр.

— Не учи отца — и баста!

— Давай, давай, папочка.

Пока бывший полицейский офицер разменивал казенные доллары на гульдены, израильские разведчики смогли нащелкать три пленки широкофокусным аппаратом.

Окончание следует.